

Глубокая осень наполнила Академию Цинъюнь холодом, пропитавшим каждый кирпич. Горный ветер кружил опавшую листву, издавая жалобный шорох.

Лишь в саду за академией хризантемы упрямо вспыхивали яркими красками, даря последние проблески жизни в этом увядающем мире.

— Се Сяо! Скорее сюда! Посмотри, как пышно они расцвели! — Линь Янь, похожий на беззаботного птенца в новом ватном халате из темно-синего шелка, с разбегу нырнул в золотистые заросли.

Он присел, указывая на огромный цветок с лепестками цвета чернил и темно-красной сердцевинкой. Во рту у него была зажата половина пирожного с османтусом, стащенного из столовой, поэтому он пробормотал невнятно:

— Как называется эта черная штука с красным отливом? Выглядит очень внушительно!

Се Сяо неспешно следовал за ним. Его простой хлопковый халат цвета индиго казался в осеннем ветре еще более тонким и холодным. Взгляд его спокойно скользнул по цветку, а левая рука, свободно опущенная вдоль тела, скрыла движение пальцев под широким рукавом.

На голографическом экране, возникшем перед глазами, мгновенно отобразились описание и название.

— Мокуй, — голос Се Сяо был ровным, словно он констатировал свершившийся факт. — Лепестки почти черные, сердцевина темно-красная, форма крупная и величественная.

— Мокуй? Отличное название! — Линь Янь важно кивнул и тут же перескочил к другому кусту, где ярко-желтые лепестки с обратной стороны отливали густым алым цветом, словно их испачкали киноварью. — А этот? Желтый да красный, будто одежду наизнанку нацепил?

Се Сяо перевел взгляд, пальцы в рукаве снова едва заметно двинулись.

— Цзиньбэй Дахун. С лицевой стороны ярко-желтый, с обратной — темно-красный.

Он помолчал, глядя на то, как Линь Янь с восторгом разглядывает цветы, больше интересуясь их названиями, чем самими бутонами, и негромко добавил:

— Легко полегает, нужны подпорки.

— О! Цзиньбэй Дахун! Запомнил! — Линь Янь гордо вскинул подбородок, словно постиг великую мудрость.

Он совершенно не обратил внимания на практический совет о подпорках, так как его внимание уже привлек другой сорт с длинными закрученными лепестками, напоминавшими когти дракона, и он с шумом побежал дальше.

Се Сяо стоял на месте, наблюдая за тем, как юноша порхает среди цветов, и слушая его наивные, порой глуповатые вопросы. В глубине его глаз промелькнуло едва заметное, даже для него самого неувловимое чувство смирения и снисходительности.

Он стал для Линь Яня живой энциклопедией: куда бы тот ни указал, Се Сяо тут же называл имя и краткие характеристики, позволяя юноше превратить любование цветами в бесконечную игру в вопросы и ответы.

В столовой вновь разливался редкий для этого места аппетитный аромат. Крышку пароварки сняли, и перед ними предстали дымящиеся крупные крабы.

Линь Янь только успел сесть на свое место рядом с Се Сяо, как его рука, не дожидаясь, пока он оторвет взгляд от крабовой икры в тарелке соседа, привычным, почти нетерпеливым жестом пододвинула своего огромного, грозного краба к грубой керамической тарелке Се Сяо. Движение было отточенным, словно он повторял его тысячи раз.

Он даже не стал произносить свою коронную фразу: Се Сяо, почисти мне!

Се Сяо взглянул на краба, а затем на сияющие глаза Линь Яня, в которых читалось: ты же понимаешь.

На его лице по-прежнему не дрогнул ни один мускул, лишь палочки он отложил чуть быстрее, чем обычно.

Ни слова, ни лишних вопросов. Се Сяо совершенно естественно взял серебряный молоточек и иглу для крабов. Его длинные пальцы двигались точно и плавно.

Удар, поддев, вычистить, отделить... Твердый панцирь послушно раскрылся под его руками, обнажая золотистую жирную икру и нежное снежно-белое мясо. Весь процесс выглядел как искусство, создавая резкий контраст с соседними учениками, которые неумело ковырялись в панцирях, забрызгивая всё вокруг соком.

Вскоре на тарелке перед Се Сяо лежала аккуратная горка чистого крабового мяса и икры.

Линь Янь уже придвинулся совсем близко, почти прижавшись плечом к руке Се Сяо. Он вытянул шею, едва не положив подбородок на плечо спутника, и не отрываясь смотрел на манящее угощение, как нетерпеливый котенок, ожидающий кормежки. Его кадык непроизвольно дернулся, он сглотнул слюну.

Се Сяо пододвинул тарелку к нему, и край керамики едва слышно звякнул о чашку.

— Вау! — радостно воскликнул Линь Янь. Он тут же схватил палочки, зачерпнул огромный кусок золотистой икры и отправил в рот. Он обжегся, смешно выдохнул, но не выплюнул, а с блаженством прищурился и пробормотал: — Се Сяо... твоё мастерство чистки крабов... лучшее в мире!

Он ел с удовольствием, по-прежнему прижимаясь к Се Сяо, чье тепло передавалось через два слоя зимней одежды.

Се Сяо взял своего краба и неспешно принялся за работу. Его движения оставались элегантными, лишь опущенные ресницы едва заметно дрогнули, когда Линь Янь в очередной раз потерся о его плечо.

После нескольких холодных дождей наступила настоящая зима. Горный ветер резал лицо, словно нож.

Два больших сундука с зимней одеждой, присланные семьей Линь Яня, пришлись как нельзя кстати. Юноша кутался в тяжелую шубу из меха серебристой лисы, чей пушистый воротник делал его лицо еще изящнее, превращая его в маленького снежного человечка.

Этим утром он любовался собой в зеркале, поправляя воротник, когда краем глаза заметил, что Се Сяо вошел в комнату. Се Сяо был в своем старом, застиранном до белизны, тонком халате цвета индиго. Он стоял прямо, словно не чувствуя пронизывающего холода.

Линь Янь нахмурился. Он бросился к нему, преграждая путь, и без лишних слов начал развязывать завязки на своей новой, лоснящейся шубе.

— Се Сяо! Носи это! — он накинул тяжелую, теплую шубу на плечи Се Сяо, действуя так быстро, словно боялся, что тот убежит. — Ветер на горе — как лезвие! Разве твой халат от него спасет?

Роскошная шуба, сохранившая тепло тела и аромат благовоний, мгновенно окутала худощавое тело Се Сяо, мягкий мех коснулся подбородка, и тепло разлилось по телу.

Се Сяо явно не ожидал такой атаки и замер. Он инстинктивно хотел сбросить эту слишком дорогую и неуместную на нем вещь.

— Не нужно...

— Что значит не нужно! — Линь Янь тут же прижал его руки, не давая сбросить шубу, и нахмурился с безапелляционной властью. — А если заболеешь? Заболеешь — кто мне будет лекции объяснять? Кто крабов чистить будет? Кто... — он запнулся, не находя слов, и просто отрезал: — В общем, носи! У меня в сундуке еще есть шуба из рыжей лисы! Мне хватит!

Се Сяо чувствовал под своими ладонями теплые руки юноши. Он смотрел в широко распахнутые глаза Линь Яня, в которых читалось: только попробуй снять, и слова отказа застряли в горле.

Он молча смотрел на Линь Яня несколько секунд. Чистая, неподдельная тревога в глазах юноши обожгла его, словно маленькая искра.

Наконец, Се Сяо едва заметно вздохнул и опустил руки. Он позволил тяжелой, роскошной шубе, пахнувшей Линь Янем, согреть его. Тепло проникало сквозь кожу, доходя до замерзших конечностей.

— Хорошо, — тихо отозвался он, соглашаясь.

Линь Янь удовлетворенно разжал руки, расплылся в победной улыбке и повернулся к сундуку, чтобы искать свою вторую шубу.

Се Сяо стоял на месте, ощущая на себе непривычную тяжесть и тепло, и не желая избавляться от аромата, принадлежащего Линь Яню. Его взгляд с некоторой сложностью был прикован к хлопочущей спине юноши.

Наступила ночь.

В центре учебного корпуса «Чжу» разгорелась маленькая жаровня.

Оранжевые язычки пламени плясали, облизывая черный уголь, и с тихим треском разгоняли ночной холод и тьму, отбрасывая на стены их колеблющиеся тени.

Линь Янь, завернувшись в толстое шерстяное одеяло, свернулся на низком табурете у жаровни, словно клубок, и из-под ткани выглядывало лишь покрасневшее от огня личико. Он вертел в руках маленькую палочку, бездумно ковыряя пепел, и без умолку болтал.

— ...Се Сяо, как было бы здорово, если бы люди могли летать, как птицы! — он восторженно смотрел на огонь, словно видел нечто чудесное. — Раскинул руки, вжух — и взмыл к облакам! Лети куда хочешь! Не надо было бы карабкаться по этим утомительным горам! — он взмахнул руками, подняв ветерок, отчего пламя заколебалось.

Се Сяо сидел напротив, чуть поодаль, держа в руках книгу (точнее, наблюдая на голографическом экране за графиком тепловой эффективности сгорания угля). Пляшущие блики света ложились на его чистое лицо, создавая причудливую игру теней.

— А еще, еще! — не дожидаясь ответа, продолжал Линь Янь, указывая палочкой на темное окно, за которым выл ветер. — Вот бы зимой было много-много свежих цветов! Красных, желтых, фиолетовых, чтобы весь двор был ими усыпан! Как было бы здорово! А то смотреть на эти голые ветки — просто уродство! — он сморщил нос с видом крайнего отвращения.

Се Сяо отвел взгляд от книги, поднял глаза и посмотрел на юношу, закутанного в одеяло. Он слушал эти нелепые, детские мечты и смотрел в его глаза, которые в свете огня сияли невероятным, чистым предвкушением.

Легкая, почти незаметная улыбка, словно рябь от брошенного в глубокий пруд камня, скользнула по его холодным губам. Она исчезла так быстро, что можно было подумать, будто это лишь игра света. Он ничего не сказал, лишь снова опустил ресницы, скрывая блеск глаз,

тронутых этой невинностью.

Жаровня тихо потрескивала. Оранжевый свет мягко окутывал их маленький мирок, бросая длинные тени на стену, где они то переплетались, то расходились. В воздухе витал аромат горящего угля и непередаваемая атмосфера тишины и тепла.

Линь Янь продолжал болтать о своих полетах и зимнем саде, и его голос звучал в тишине зимней ночи особенно ясно. Се Сяо молча слушал, изредка переворачивая страницу, и этот тихий шорох стал самым успокаивающим фоном для их ночной беседы.

Приближался двенадцатый месяц. Академию охватила суета — все грезили о возвращении домой. Ученики втайне обсуждали сроки отъезда и приготовления к празднику.

Линь Янь сидел за столом, сжимая в руках письмо от отца, который призывал его поскорее вернуться. Строки были пропитаны тоской и нежностью.

Он подпер щеку рукой, глядя на серое небо и голые ветки за окном. Его лицо, обычно такое живое, теперь омрачилось грустью.

Вернуться в столицу?

Конечно, хочется.

Хочется в теплые объятия матери, хочется увидеть отца, который пытается казаться строгим, но не может скрыть заботы, хочется попробовать бесконечные лакомства из дворцовой кухни сестры, хочется окунуться в праздничную суету... Одно только воспоминание об этом заставляло сердце рваться домой.

Остаться?

Он украдкой взглянул на сидевшего напротив Се Сяо.

Тот читал книгу у окна. Бледный зимний свет падал на его тонкий халат, и профиль его казался холодным и... одиноким.

Он слегка наклонил голову, длинные ресницы отбрасывали тень на лицо, пальцы, перелистывающие страницы, двигались неспешно, словно шум праздника вокруг не имел к нему никакого отношения.

Сердце Линь Яня словно кто-то сжал. В прошлом году Се Сяо ведь так и провел праздник здесь, в пустом общежитии, верно?

Ни семьи, ни горячего праздничного ужина, только четыре холодные стены... Неужели он грыз холодную лепешку? И даже поговорить было не с кем? Как же это... жалко?

Эта картина, возникшая в воображении, вызвала у Линь Яня тяжесть в груди. Он

бессознательно сжал письмо, и бумага слегка хрустнула.

Сомнения терзали его, словно два жука, дерущихся в сердце.

Один кричал: Домой! Там вкусная еда и новая одежда!

Другой твердил: Се Сяо один, как же это грустно! Никто ему крабов не почистит, никто слова не скажет!

Он раздраженно взъерошил волосы. Наконец, приняв решение, он отложил письмо, медленно подошел к окну и присел на табурет рядом с Се Сяо.

Он опустил голову, теребя край одежды, долго собирался с духом и лишь потом, осторожно и с надеждой, произнес, понизив голос:

— Се Сяо...

Он поднял глаза, и в его темных зрачках читались едва заметное волнение и ожидание. Он смотрел на холодную линию подбородка Се Сяо.

— Ты на праздник... снова останешься здесь один?

Пальцы Се Сяо, переворачивавшие страницу, замерли.

Он медленно повернул голову, и его взгляд спокойно встретился с лицом Линь Яня. Осторожная забота и ожидание в глазах юноши, словно камень, брошенный в пруд, четко отразились в его темных глазах.

Между ними повисла тишина, длившаяся несколько мгновений. Даже холодный ветер за окном, казалось, затаил дыхание.

Наконец, Се Сяо едва заметно, почти неуловимо кивнул.

Голос его был низким и ровным, словно он говорил о чем-то совершенно неважном, лишенном всяких эмоций:

— ...Да.

Один слог, легкий, как перышко, но упавший тяжелым камнем на сердце Линь Яня, мгновенно перечеркнул все мечты о праздничных яствах и новых нарядах, вызвав огромную волну жалости и нежелания расставаться.

<http://bllate.org/book/19996/1971899>